

МАУТХАУЗЕН

Концлагеря фашистской Германии — явление уникальное по своим масштабам и по своей жестокости. Страшная система, возникшая как инструмент подавления инакомыслия в Третьем рейхе, была признана мировой общественностью преступлением против человечества. С 1933 по 1945 год только в центральных концентрационных лагерях рейха содержалось около 2 млн 800 тыс. человек, из которых около 1 млн 700 тыс. погибло. Всего же в 42 тыс. нацистских мест заключения (не только концлагерях) могло погибнуть до 15 млн человек.

Одним из печально знаменитых концентрационных лагерей являлся Маутхаузен. Он был создан сразу же после захвата гитлеровцами Австрии и расположен примерно в 160 км от Вены и в 30 км от Линца. Четыре гранитных карьера вблизи поселков Маутхаузен и Гузен избрали местом организации концентрационного лагеря потому, что нацисты планировали возведение монументальных представительских сооружений в городе Линц, который относился к числу пяти городов, получивших название фюрерштадтов. Это были наи-

более важные города для Гитлера и всего нацистского движения: Берлин — политическая столица Германии, Гамбург — столица немецкого судостроения, Мюнхен — столица нацистского движения, Нюрнберг — город партийных съездов и Линц — город юности фюрера.

Гитлер считал этот город знаковым, так как здесь он провел свое детство и молодость, здесь находились могилы его матери и отца. Он планировал провести остаток жизни именно в Линце. Как следствие, город необходимо было преобразить, сделать его самым красивым в Европе, «столицей Дуная». Планировалось построить небоскреб, стадион, а главное, создать музей фюрера, куда необходимо было свозить лучшие произведения искусства со всего мира. Эскиз для этого музея Гитлер нарисовал лично. Строительство нового Линца планировалось завершить к 1950 году.

Для стройки века нужен был гранит и большое количество бесплатной рабочей силы. Так рядом с ближайшим к Линцу городком Маутхаузен и возник концлагерь. Строительство основного лагеря началось 8 августа 1938 года, когда к местной каменоломне «Винер Грабен» были доставлены первые 300 заключенных из концлагеря Дахау. За время существования лагеря заключенные изготовили бесчисленное количество брусчатки, бордюров и других каменных изделий. Только в 1943 году оборот эсэсовской орга-

низации ДЭСТ, эксплуатировавшей узников, составил 14 млн 882 тыс. рейхсмарок.

Маутхаузен не был похож на классические концлагеря, созданные по принципу барачной застройки. Он скорее походил на средневековую крепость: мощные каменные стены, литые ворота, монументальная скульптура нацистского орла над огромными воротами в лагерь.

У Маутхаузена было по меньшей мере 49 филиалов по всей территории Австрии. За семь лет существования концлагеря через него прошло около 200 тыс. человек. Около 100 тыс., по последним оценкам, погибли в Маутхаузене и его филиалах. Самым крупным стал филиал Гузен, который тоже обладал сетью подлагерьей, и к концу войны он фактически стал самостоятельным лагерем.

В 1941 году глава РСХА Гейдрих предложил классификацию лагерей в соответствии с контингентом содержащихся в них узников, а также в зависимости от условий заключения. Узниками первой и второй категории лагерей становились люди, совершившие либо незначительный, либо средней тяжести проступок, но которых, по мнению нацистов, можно было исправить. В этой нацистской классификации Маутхаузен относился к самой строгой — третьей категории лагерей: сюда ссылали самых опасных «преступников», так называемых «неисправимых» — тех, кто, по мнению

нацистов, не подлежал «перевоспитанию». По умолчанию, это означало, что отправленных туда арестантов с криминальным прошлым, асоциальных элементов, в том числе немецких и австрийских политических заключенных, евреев, представителей интеллигенции из оккупированных стран Западной Европы и иных неугодных гитлеровскому режиму ждет физическое уничтожение. Абсолютное большинство заключенных не были ни преступниками, ни асоциальными лицами. Среди них только 7 % (в основном немцы и австрийцы) составляли те, кого отправили в концлагерь за совершение уголовных преступлений, 93 % — лишённые свободы за их расовую, религиозную принадлежность или политическую деятельность.

Структура управления лагерем состояла из штаба коменданта и охраны. Первым комендантом лагеря Маутхаузен был Альберт Зауэр, с 1939 года и до конца войны эту должность занимал Франц Цирайс. Ему подчинялся политический отдел, отдел «превентивного заключения», отдел лагерного управления, лагерный врач. Однако в силу нехватки персонала, а также с целью усилить противостояние между различными группами узников во всех концлагерях применялась так называемая система «самоуправления» заключенных.

Во главе сложной социальной структуры такого «самоуправления» стоял староста лагеря, потом шли

главные капо в каменоломне, в строительной команде, хозяйственной команде, многочисленные капо на складах, кухне, в аптеке, мастерских, обслуживающий персонал для офицеров СС, далее располагались старшие по баракам (блокам) и их персонал (блочный писарь, парикмахер), штубовые (дежурные в различных частях барачных), а с 1943 года среди заключенных набирали и персонал в больницы. «Проминентами», как еще в лагере называли привилегированных заключенных, были в основном немцы и австрийцы, — криминальные преступники, от которых требовалось терроризировать и убивать других пленников, чтобы «поддерживать порядок и дисциплину» в лагере.

На конец 1944 года все ключевые должности лагерной obsługi занимали узники, попавшие в Маутхаузен в 1938–1941 годы. Эсэсовцы пошли на такой «кадровый» шаг сознательно, чтобы противодействовать солидарности заключенных разных национальностей, противопоставить «имперских немцев» более многочисленным иностранным пленникам. Лагерная obsługi имела существенные преференции: лучшие условия проживания, питание, одежду, гигиену, регулярное посещение борделя, а также доступ к запрещенным развлечениям — алкоголю и игре в карты. В 1943–1944 годы проминенты даже устраивали в головном лагере спортивные соревнования и музыкальные концерты.

Известно, что не все капо, писари, старшие по баракам были жестокими нелюдьми. Некоторые пытались использовать лагерную систему, чтобы помочь своим товарищам, добыть дополнительную пайку хлеба или супа, медикаменты, более легкую работу или лечение в лазарете.

Под конец войны в «самоуправлении» лагеря появились узники из Восточной Европы, а в некоторых филиалах даже получили влияние политические заключенные. В феврале 1945 года в главном лагере Маутхаузена среди лагерной obsługi насчитывалось 184 человека, из которых 114 были немцами-уголовниками, 20 — немцами — политическими заключенными, а также 19 чехов, 18 поляков, 8 испанцев и 5 выходцев из Югославии.

В Маутхаузене существовала жесткая расовая иерархия заключенных. На англичан, французов, американцев распространялось действие Женевской конвенции 1929 года, согласно которой узники получали посылки от Красного Креста, могли переписываться с родными, организовывать свой досуг (например, играть в футбол). Для американских военнопленных была даже построена баня.

На следующей ступени концлагерной иерархии находились военнопленные из чешской, югославской и польской армий. К ним отношение было заметно хуже, но относительно терпимо в том, что касается

условий содержания и снабжения продовольствием. На самом дне нацистской иерархии находились советские военнопленные. В отношении них персоналом могла быть проявлена любая форма жестокости, их жизнь ничего не стоила.

Основной лагерь Маутхаузена делился на две части — верхний, или рабочий, лагерь, на территории которого располагались бараки, бункер, газовые камеры, крематорий, и нижний, или русский, лагерь. Назывался он так потому, что был построен для размещения в нем советских военнопленных. Огромная территория, на которой простирался лагерь, состояла из нескольких зон: барачной зоны с 24 бараками, зоны администрации и рабочей зоны.

Начиная с 8 августа 1938 года по 3 мая 1945 года в концлагерь Маутхаузен было отправлено около 195 тыс. мужчин и более 8500 женщин практически из всех европейских стран. Наибольшее количество заключенных было зарегистрировано в марте 1945 года и насчитывало 84 472 мужчины и 2988 женщин.

Первые 2 тыс. советских военнопленных были привезены в Маутхаузен в ноябре 1941 года. Их поместили в холодных бараках и несколько дней не давали есть. В результате через три месяца в живых осталось не более 30 человек. В течение 1942 года, кроме военнопленных, в лагерь привозили советских

партизан, подпольщиков, а также патриотов, совершавших диверсии на фашистской каторге в Германии и приговоренных к смерти.

С весны 1943 года в лагерь стали прибывать советские граждане, которые отсылались в Маутхаузен за их участие в деятельности подпольных групп в других лагерях. В первых числах июня 1944 года в Маутхаузен прибыли большие группы советских офицеров из концлагерей Штуттгоф и Флоссенбург.

Узников использовали на тяжелых работах в каменоломне, на военных заводах, их труд должен был служить росту прибылей эсэсовских предприятий. При этом сознательно планировалась массовая смертность всех без исключения групп приговоренных. Ко всему прочему, Маутхаузен был полигоном для отработки разных видов истязаний. Узники были для палачей лишь объектом для испытания новых методов умерщвления людей.

При этом 20-й блок и направлявшиеся в него узники отличались от всех остальных. Изначально 20-й блок был предусмотрен для карантинных больных, впоследствии его отделили от остальной территории лагеря и сделали блоком для неисправимых узников. Весной 1944 года на этой территории усилили охрану: поставили пулеметные вышки и дополнительных вахманов, обнесли барак стеной в два с половиной метра с колючей проволокой под напряжением. Фактически

это был концлагерь в концлагере, ад в аду, отдельная зона, куда никто не мог проникнуть извне.

Большинство узников в этом блоке были советскими военнопленными, офицерами и политработниками. Значительная их часть содержалась там за многократные попытки сбежать, саботаж, организацию побегов и отказ сотрудничать.

Положение у заключенных 20-го блока было наихудшим. Недаром это место называлось блоком смертников. Люди, которых партиями заводили за его двойные железные двери, живыми оттуда не выходили. Заключенные из соседних барачков каждый день слышали доносившиеся из 20-го блока дикие, нечеловеческие крики. Что там творилось — трудно было представить даже тем узникам, кто находился в лагере несколько лет. Об этом знали только некоторые офицеры СС и ограниченное количество администрации лагеря.

Сам 20-й блок делился на две комнаты — по-немецки штубы. В одной штубе жили те, кто еще мог передвигаться, то есть относительно здоровые. Во второй штубе размещались солдаты и офицеры, которые фактически находились в состоянии «доходяг» — этим термином в нацистских концлагерях называли наиболее истощенных заключенных.

Однако, несмотря на их физическое состояние, всех узников блока каждый день заставляли выходить на

проверку — аппель. Тех, кто уже был не в силах передвигаться, забивали дубинками. Бывало так, что узникам 20-го блока приходилось выносить на построение своих умерших за ночь товарищей.

Посреди барака располагалась так называемая умывальня — предназначенная для гигиенических процедур, она стала местом издевательств и пыток. Там узников часами поливали холодной водой или усаживали в ледяную ванну и накрывали сверху крышкой. Здесь же находились несколько душей и специальные крюки, на которых заключенных подвешивали, душили или иногда склоняли к суициду (с этой целью охранники или капо оставляли заключенным поясные ремни).

Напротив умывальни находилась комната капо — заключенного, сотрудничающего с администрацией лагеря. Здесь он назывался блоковым — старшим по блоку: он отвечал за порядок в бараке, переклички, построение и за весь быт в целом. Что касается 20-го блока и его руководства, то во главе него стоял немец, который по политическим мотивам оказался в Маутхаузене, но согласился сотрудничать с лагерным руководством, пообещавшим ему в дальнейшем спасение.

Блоковый и его помощники тоже могли безнаказанно убить любого из заключенных — и они не раз этим пользовались. Во дворе блока проходила канализация с колодцем, часто блоковый и его свита

сбрасывали туда живых людей и закрывали колодец бетонной крышкой.

Комната блокового была единственным отапливаемым помещением с печкой, там же лежали матрасы и одеяла. Ни то ни другое заключенным не выдавалось. Кроме того, у блокового были большие запасы тяжелых брикетов мыла.

Сам барак был 7 м в ширину и 50 м в длину. Он был рассчитан на 200 человек, но пленников иногда набивалось во много раз больше. Все они спали на голом полу. Никакой теплой одежды — только тонкие полосатые кальсоны, рубашки и деревянные колодки на ногах.

Зимой в бараке было очень холодно не только из-за погоды: по вечерам охранники поливали пол ледяной водой и регулярно устраивали «проветривания». Зимой нацисты специально открывали окна, и к утру многие из тех, кто спал под окнами, умирали от переохлаждения. Летом, наоборот, закрывали окна наглухо. Барак закрывался, заключенных не выпускали, они начинали задыхаться, некоторые теряли сознание и погибали. Эсэсовцы проявляли чудовищную, часто звериную и ничем не обоснованную жестокость в отношении советских военнопленных, ибо существовал маниакальный страх перед побегами, проявлениями неповиновения, подпольной работой, организацией действий, которые эсэсовцы считали противоправными.